

Театр. Курьер - 2004 -
апр. (144) - с. 16

КРУПНЫЙ ПЛАН

Юрий Беляев - «абсолютно мужской артист» - так считает художественный руководитель театра «Эрмитаж» Михаил Левитин. Характерным для актера жестким рисунком роли отмечены его работы в фильмах «Единожды солгав», «Слуга», «Дело Сухово-Кобылина», «Цицки», «Царевница», «Пьеса для пассажира». Беляев родился в деревеньке под Омском, в детстве переехал в подмосковное Ступино. Перед тем как поступить в Щукинское училище, успел поработать на заводе, потом инструктором ДОСААФ, дворником и грузчиком в мастерских МХАТа. После окончания училища в 1975 году получил приглашение в Театр на Таганке, где сыграл за тридцать лет более двух десятков ролей и сегодня выходит на сцене в образе Коровьева в «Мастере и Маргарите» и Язона в «Медее». Одновременно его можно увидеть в спектаклях театра «Эрмитаж» «Белая овца» и «Анатомический театр инженера Евно Азефа».

— Юрий Викторович, почему вам не хватает одного театра - на Таганке?

— Я давно стал плохо относиться к своей профессии. С годами это приобрело напряженные критической массы. Накопилась усталость. Я стал искать возможность длительной паузы, просил дать мне отпуск на год - два. Юрий Петрович с недоумением отказывал мне. В итоге я все же получил эту возможность, правда, совсем по другой причине. У меня образовалось время, чтобы подумать, отвлечься, отдохнуть. Через год я вынужден был вернуться в театр. Причины были разные. Вы знаете, я не принадлежу к категории людей, которые держат судьбу за глотку, скорее, это она меня может невежливо потрепать. И вместо того чтобы поменять профессию, я решил скорректировать свое отношение к ней и к ситуации, в которой я тогда находился. В конце концов я тогда понимал и сейчас понимаю, что, к сожалению, ничего другого делать не умею, кроме того как выучивать чужой текст и произносить его в чужих мизансценах.

— А почему стали плохо относиться к профессии? Когда вы ее выбирали, то представляли себе как-то иначе?

— Мой первый театральный учитель - руководитель самодеятельной студии в городе Ступино Ольга Александровна Ливанова - была человеком возвышенным, романтичным, верящим во всемогущество театра и в его самое высокое назначение. В возрасте более чем зрелом она получила театральное образование, с нами делала свой диплом, с нами реализовывала свою мечту. У нас в употреблении были категории по теперешней жизни не нужные, изъятые из обращения за ненадобностью - совестливость, порядочность, верность... Конечно, в тех условиях мое представление о профессии формировалось во многом из иллюзий. Я не говорю об этом плохо. Напротив, я очень благодарен судьбе за то, что в моей жизни была Ольга Александровна и ее театр. Утрачивать иллюзии трудно. Впереди маячила профессия коварная, женская, в которой нередко исчезает или искажается мужское начало. Актерская профессия в лучшем случае среднего рода, но уж никак не мужского.

— Но что поделать: зависимость - это ведь неотъемлемая часть актерской профессии... Прежде всего, наверное, это зависимость даже не от режиссера, а от зрителя...

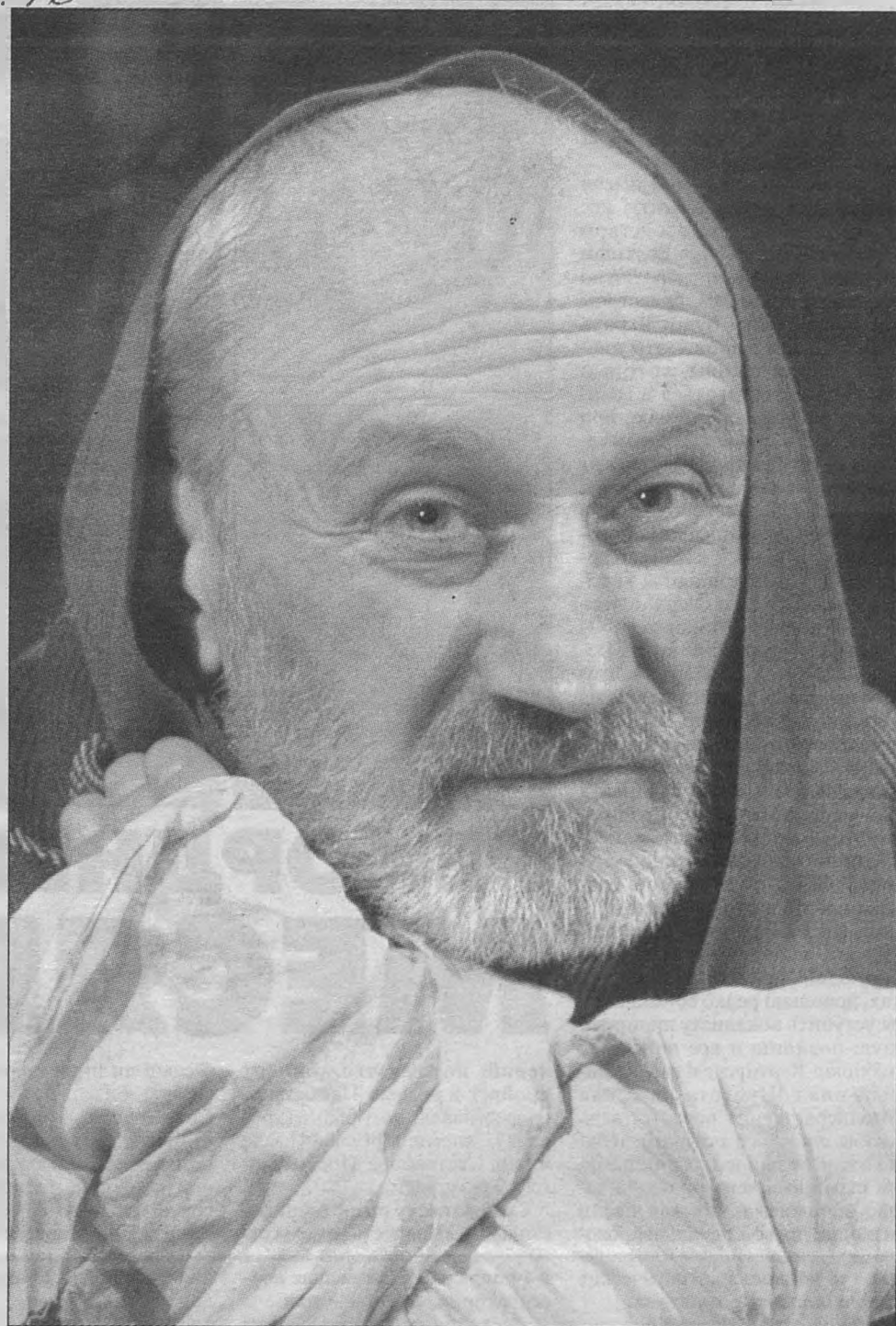
— Моя профессия без публики бессмысленна. А термин «зависимость от зрителя» мне неприятен. Я предпочитаю другие отношения со зрителями - соучастие.

— Вы сталкивались со многими режиссерами, работаете с Любимовым, Левитиным, даже, кажется, с Эфросом...

— Я не могу сказать, что я работал со многими режиссерами. Работа с Эфросом и Васильевым не была доведена до результата в виде спектакля. Однако я имел уникальную возможность учиться и у того, и у другого.

— Вам важно учиться у режиссера?

— Да, режиссер - это спарринг-партнер, ведущий и управляющий процессом. Мне нужен режиссер-учитель. Если не говорить о посредственностях, то артист чаще всего проигрывает, когда стремится выскользнуть из-под «власти» режиссера. Как правило, он этим сильно сокращает свою территорию. Для меня суть в том, чтобы, не сдавая своих человеческих и профессиональных позиций, попасть в определенную цель, в договоренность. При этом я еще учусь разговаривать «на чужом языке», обретая в нем свободу. Я давно понял, что мне интереснее и выгоднее не упираться и не настаивать на своем, а приобретать то, чего у меня нет от природы, оснащать себя новыми «штампами», красками, оборотами. Учиться можно даже у тех, у кого вроде бы и учиться не надо, - вот парадокс! Это вроде бы не позитивное движение, но позитивны его результаты. В процессе мне иногда казалось, что я слишком поддаюсь, что я по-

ОДИН ШАГ
ДО СЧАСТЬЯ

что теряю себя, но в результате я выигрывал. Так что положение ученика для меня одно из самых выгодных.

— Режиссер бывает и деспотичен. Про Любимова, например, много говорили: тиран, мол, деспот...

— А я и сам так иногда говорил, каюсь. Да, я повторял чужие соображения по молодости или от беспомощности. И однажды ситуация сложилась так, что Юрий Петрович стал со мной формировать сценический вариант персонажа с учетом моих возможностей. И вот тут я чуть было не захлебнулся и от счастья, и от абсолютной неподготовленности. Сидеть годами в зале и наблюдать - это одно, а оказываться на сцене - это совсем другое.

Разговоры о деспотизме режиссера возникают по разным причинам. В том числе и тогда, когда режиссер и его актеры от природы одарены не в равной степени, и он своими средствами прикрывает эту разницу. Почему-то никто не предъявлял никаких претензий Любимову, когда появлялись филигранные работы Демидовой, Славиной, Золотухина, Филатова.

— А с Левитиным вы давно знакомы?

— Недавно. Михаил Захарович искал артиста вне своего театра. Несколько человек называли ему мою фамилию. Нас познакомили. Мы договорились о сотрудничестве. Не обошлось и без странных совпадений. Я вспомнил, например, что первый спектакль, который я увидел в театре на Таганке в конце 60-х годов, был именно «О том, как господин Макиноллот от своих злосчастий избавился». Он произвел на меня ошеломляющее впечатление

«типично таганским» натиском актерского исполнения, музыки, ритмов. Я и сейчас думаю, что это был один из самых таганских спектаклей, несмотря на то что поставил его не Любимов, а молодой режиссер Михаил Левитин.

— Как вы оцениваете результаты вашего сотрудничества?

— Пока я еще не могу оценивать результаты, потому что нахожусь в процессе освоения языка, на котором разговаривают в «Эрмитаже». И хотя уже прошли те первые пять лет, которые требуются артисту для адаптации в новом театре, мне кажется, здесь для меня ресурс еще существует.

— А вообще вам близка эстетика Левитина?

— Она мне трудна, а иногда хочется употребить выражение и покрепче. Но находясь в условиях своего личного эксперимента, я ищу не только то, что нас разделяет. На уровне понимания у нас нет проблем - это у меня есть проблемы на уровне исполнения.

— Многие актеры начинают заниматься режиссурой...

— Позиции исполнителя и создателя спектакля разные. Очень мало кто может эти вещи в себе соединять. Я не занимаюсь режиссурой и не стремлюсь к этому. Я работаю артистом - это значит, что мне надо помочь зрителю почувствовать и переживать.

— Только переживать? А по-моему, зритель приходит в театр еще и для того, чтобы получить какие-то ориентиры. Почти все пьесы построены на конфликте чувства и долга или добра и зла. А вы предлагаете публике того же провокатора Азефа совершенно вне морально-го контекста.

— Я с вами не согласен. Я не видел спектакля и не смогу его увидеть. Но если вам показалось, что персонаж находится вне морального контекста, то это полный провал театра и мой исполнительский. Мне и говорить-то больше не о чем, кроме как о морали, не о политике же я там рассуждаю, да и персонаж мой не об этом. Что же касается ориентиров и расставления оценок, то это атавизм большевистской идеологии. Хорошо, что этот опыт у нас уже есть, хорошо, что мы знаем, что это тупиковый путь. Это искусственная, фальшивая постановка вопроса. Осложнение проблемы - не решение ее. Я не хочу никого обидеть. Я сам такой же продукт той же машины, что и большинство моих сверстников. И до сих пор продолжаю выяснять отношения сам с собой.

— Да, конечно, но так хотелось бы знать, что вот это «наши» - они защитят и помогут, а это «чужие» - их надо обходить стороной. По-обывательски хочется быть защищенной...

— Я понимаю вас! Понимаю! Но что тут сделаешь? Наша среда обитания не изобилует оазисами! И обыватель бежит в «Аншлаг»: там не надо думать, не надо работать душой и мозгами. Там нет проблем. Вот Вам, кстати, и образец новой идеологии, которой у нас якобы нет. Зато готова «новая общность людей» - потребителей. «Что хочу, то и покупаю!» И покупают то, что больше блестит и побрякивает. А театр возможен при сочувствии и соучастии, то есть при душевной работе...

— Вы говорите о соучастии. Это такое соучастие одного одиночки другому такому же...

— Да, именно так. Всякое искусство предполагает соучастие. Это одно из главных условий общения в театре. Что же касается одиночек, то развитая индивидуальность - это единственное, из чего со временем может сложиться гражданское общество. Я ведь понимаю, что государственный аппарат не будет работать на поддержание многообразия и разнообразия нас с вами. Он озабочен унификацией, потому что удобнее и лучше строить из выравненного материала. «Государство - это аппарат насилия». Так и есть. Мне и гражданское общество нужно для того, чтобы в нем было искусство, которое бы поддерживало и развивало сложный и разнообразный внутренний мир человека.

— А вы уютно себя чувствуете в сегодняшней индивидуальности, а и самой жизни в физическом смысле этого слова? Ведь уже нельзя быть уверенным, что твой дом не разрушит взрыв или ты не окажешься заложником у каких-нибудь бандитов...

— Неуютно. Но я не думаю, что наше время в этом смысле сильно отличается от любого другого. Всегда можно захотеть куда-то от кого-то сбежать - от большевиков, от Сталина, от Брежнева, в тайгу, в Америку... По-моему, лучший способ предложил Пастернак в «Докторе Живаго»: его герой сидел один и писал стихи, и это были лучшие стихи в его жизни.

— Уйти в скит и предаться творческим раздумьям может себе позволить далеко не каждый...

— «Тяжко не то послушание, что в монастыре, а то, что в миру». В монастыре хотя бы стены есть. Никто не обещал мне, что жизнь будет сплошным праздником. Жить иногда страшно и трудно. Но прелесть в том, что у человека никакими силами никто никогда не сможет отнять воли остаться человеком. Только он сам это решит. Прелесть в том, чтобы сохранить индивидуальность. Обращаясь к тому же Азефу: помните, он говорит: «Люди говно, человек - все!»

— Я слушаю вас и понимаю, почему в сериале «Спас под березами» вы сыграли православного батюшку...

— Эта история как раз о том, что делать, когда ты выходишь из дома, а на каждом шагу тебя толкнут, заденут, обматерят, накричат, отнимут, не доплатят... Как в самый черный понедельник. Только у нас все последние сто лет сплошной понедельник. Ждем: «Ну не мы, так наши дети поживут». А дети - все калекки да уроды, как мы сами...

Храм - это то место, где может быть легче, туда приходят, когда уж очень плохо. Вера - это то, что всегда есть у человека. Верующему легче: у него есть опора в ситуациях, с которыми в одиночку не справиться, а главное есть надежда. Поэтому мне хотелось поучаствовать в этой истории. Трудно тебе? Но шаг шагни, один шаг, и, может быть, ты окажешься там, где тебе будет чуть легче.

Вера КАЛМЫКОВА

Фото на полосе и на обложке В.Скокова. (На фото - Ю.Беляев на репетиции спектакля «Анатомический театр инженера Евно Азефа»)

Наш подписной
индекс:

42555

ГАЗЕТУ ВСЕГДА
МОЖНО КУПИТЬ:

в театральном магазине СТД
(Страстной бульвар, дом 10. телефон: 229-94-84)

Учредитель: трудовой коллектив
Издание зарегистрировано в Московском
региональном управлении Комитета РФ по
печати 15.11.1996 г. Свидетельство № А-
0957. Цена свободная.

Главный редактор
Андрей Недзвецкий
Ответственный секретарь
Ирина Бурова

Выходит 1 раз в месяц. № 4 (68).
Номер подписан в печать 17.3.2004 г.
Газета отпечатана в типографии «Пронто-Принт»
Тираж 27 000 экз. Заказ № 647.

Адрес редакции: 127224, Москва, а/я 23
Телефон/факс 287-41-27, 287-09-10
e-mail: gtk@m5.ru
При перепечатке ссылка обязательна.